

Глава восьмая

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В ТРУДАХ ПЛЕХАНОВА В 1904—1914 гг.

При анализе политической деятельности Плеханова в 1904—1914 гг. следует иметь в виду, что в эти годы он находился в лагере меньшевиков. Уже накануне II съезда партии обнаружился его постепенный отход от революционного марксизма по ряду важнейших вопросов политики. Он переоценивал роль либеральной буржуазии и отрицал гегемонию пролетариата в общественном движении, не понимал революционной роли крестьянства как союзника рабочего класса в борьбе с самодержавием.

Позже это нашло свое отражение и в теоретических вопросах. В 1905—1907 гг. Плеханов, например, безнадежно пытался опровергнуть учение Ленина о соотношении стихийности и сознательности в рабочем движении. В статье «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» он отстаивал теорию стихийности, пытаясь выдать свою точку зрения за марксистское решение вопроса. Марксистскую позицию Ленина о соотношении стихийности и сознательности Плеханов стремился представить в качестве идеалистического учения, будто бы недооценивающего объективный фактор и переоценивающего субъективный фактор в истории.

Плеханов был видным политическим деятелем и теоретиком II Интернационала. Он был далек от понимания новой исторической эпохи, сложившейся к началу XX в. Основные пороки мировоззрения лидеров II Интернационала были в той или иной мере присущи и ему. Важнейшим фактором, определившим неправильный подход Плеханова к проблеме революционной борьбы, была оторванность его от рабочего движения в России, непонимание его особенностей, его сильных и слабых сторон. Он не учитывал коренных изменений, которые принесла с собой новая историческая эпоха для российского рабочего движения накануне буржуазно-демократической революции, не видел перемещения центра революционного движения с Запада на Восток, в Россию.

Эпоха империализма явилась временем грандиозных мировых столкновений, крайнего обострения социальных противоречий, жестоких классовых битв и ряда разрушительных войн.

Неумение Плеханова правильно разобраться в конкретной исторической обстановке, верно учесть движущие силы русской революции остро обнаружилось в 1905 г. В. И. Ленин указывал на догматический характер воззрений меньшевика Плеханова, не понимавшего великой роли субъективного фактора в революции — движения народных масс под руководством рабочего класса. Плеханов тянул историю назад, пытаясь отсрочить наступление революционных событий, софистически утверждая, что чем скорее начинается падение правительства, тем «продолжительнее и мучительнее будет процесс этого падения. Чтобы сократить и облегчить этот процесс, надо отсрочить его начало до известного времени. Путь, представляющий наиболее длинным, окажется на деле самым коротким».¹

Эта оппортунистическая позиция Плеханова означала отказ от революционных действий пролетариата за быстрее путь общественно-исторического развития. В этой связи он противопоставлял пожару массовой политической борьбы пролетариата «медленный огонь планомерной массовой агитации».

В своем анализе революционных событий в России Плеханов изменил материалистической диалектике. Марксистскую позицию большевиков он пытался выдать за бланкизм. И совершенно права была Р. Люксембург, когда обрушилась на статью Плеханова «Где же правые?», опубликованную в «Курьере»: «И вот, утверждает тов. Плеханов, в этот „первородный грех бланкизма“ впадают русские товарищи большевики... По нашему мнению, тов. Плеханов своего обвинения не доказал. Ибо сравнение с „народовольцами“, которые действительно были бланкистами, ничего не доказывает... Но, как мы уже сказали, не наше дело ломать копья в защиту большевиков и товарища Ленина, ибо они сами сумеют постоять за себя. Мы заинтересованы в существе дела. А тогда напрашивается вопрос: разве в нынешней русской революции вообще невозможен бланкизм? Разве — если бы такое направление существовало — оно имело бы возможность оказать какое-либо влияние? Мы думаем, что достаточно так поставить вопрос, чтобы любой человек, хотя бы немного знакомый с нынешней революцией, каждый, кто соприкасался с ней непосредственно, дал отрицательный ответ».²

Диалектико-материалистический анализ требует не только тщательного учета объективной обстановки, объективного соотношения классовых сил, но и понимания действенной, активной роли

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XV, М.—Л., 1926, стр. 100.

² Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г. ИЛ, М., 1956, стр. 602.

субъективного фактора в развязывании исторических событий. Марксисты не просто объясняют действительность: их главной задачей является ее революционное изменение. Они — революционеры — стремятся ускорить и облегчить историческое развитие, устранить препятствия, сквозь которые пробивается новое и прогрессивное.

Меньшевики отрицали инициативу революционных масс, не хотели понять, что время революции есть время действия масс. В этой связи и надо рассматривать упорную борьбу меньшевиков против большевистского лозунга «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Этот лозунг толкал вперед революцию, стремился придать ей наиболее выгодные для пролетариата формы. В. И. Ленин указывал, что массы должны творить новую политическую надстройку; она сама собой не создается. В статье «Последнее слово „искровской“ тактики...» он подверг бичующей критике меньшевистский лозунг «революционного самоуправления».

В. И. Ленин разоблачает также софизм рассуждений меньшевиков, показывая, что их социальный фатализм ничего общего не имеет с диалектикой общественно-исторического развития. «„Искра“, — писал Ленин, — пыталась защитить путаницу своих сознательных лозунгов ссылкой на „диалектику“ бессознательного стихийного процесса. Жизнь-де не знает резких границ. Биржи рабочих есть и сейчас («Социал-демократ», № 12), вот вам элементы самоуправления. Пролог и эпилог в диалектическом процессе развития нередко-де переплетаются. Это последнее совершенно справедливо. Да, процесс действительного развития всегда идет запутанно, высывая кусочки эпилога раньше настоящего пролога. Но значит ли это, что вождю сознательной партии позволительно *запутывать* задачи борьбы, позволительно смешивать пролог с эпилогом? Может ли диалектика запутанного стихийного процесса оправдывать путаницу в логике сознательных социал-демократов? Не значит ли это подменять диалектику в смысле Маркса диалектикой в смысле Плеханова?».³

Это замечательное место из статьи В. И. Ленина «Последнее слово „искровской“ тактики...» разоблачает не только оппортунистическую теорию стихийности, но и вскрывает софистический метод меньшевиков в обосновании своих антимарксистских политических взглядов. Ленин показывает принципиальное, коренное различие между диалектикой и софистикой.

Позорное осуждение Плехановым декабрьского вооруженного восстания означало измену марксизму и его революционному методу, диалектике на практике. В статье «Еще о нашем положении» он писал: «Вы скажите мне, может быть, я хочу тормозить дви-

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 9, стр. 340—341.

жение. Я спорить и прекословить не буду. Почему и не затормозить его? Роль тормоза не всегда заслуживает осуждения».⁴

Меньшевики отстаивали реформаторский путь мучительно медленного отмирания гниющих частей общественного организма в России. Они пятились назад, требуя не забывать старого и не увлекаться новым. Эта боязнь прогрессивного, борьба против нового означала в теории отказ от марксистской диалектики и самый подлинный оппортунизм на практике.

Нельзя пройти мимо того, что Плеханов в борьбе против учения В. И. Ленина применил все приемы низменной софистики, не брезгуя при этом клеветническим намеком на то, что будто бы и сам марксист Ленин «начал понемногу поддаваться влиянию окружающих его махистов».⁵

Плеханов подделывал диалектику под софистику, когда учение о конкретности истины превращал в учение о беспринципном приспособлении к меняющимся условиям политической конъюнктуры. Для него было чуждо понимание, что марксистское учение о конкретности истины обязательно предполагает строгую принципиальность. Он писал в этой связи: «Если диалектика ни перед чем не склоняется, потому что она революционна по своему существу, то по той же причине она не может склониться ни перед одним из руководящих принципов нашей борьбы... Бебель когда-то очень ярко выразил ту же мысль, говоря, что для достижения своей цели он готов войти в сделку даже с чертом и с его бабушкой. Выражая эту мысль, высокодаровитый немецкий токарь, ставший высокодаровитым вожаком немецкого пролетариата, был революционером до конца ногтей, и его устами говорила материалистическая диалектика».⁶ Приведенные слова Плеханова — яркий образец софистики в теории, беспринципности в политике.

После своей измены революционному марксизму Плеханов неоднократно колебался по организационным вопросам и вопросам тактики. В. И. Ленин дал следующую характеристику позиции Плеханова в 1903—1914 гг.: «1) 1903, август — большевик; 2) 1903, ноябрь (№ 52 «Искры») — за мир с „оппортунистами“ — меньшевиками; 3) 1903, декабрь — меньшевик и ярый; 4) 1905, весна, после победы большевиков, — за „единство“ „враждующих братьев“; 5) 1905, с конца до половины 1906 — меньшевик; 6) половина 1906 — начинает иногда отходить от меньшевиков и в Лондоне, 1907, порицает их... за „организационный анархизм“; 7) 1908 — разрыв с ликвидаторами; 8) 1914 — новый поворот к ликвидаторам».⁷

В 1905 г. В. И. Ленин предпринял попытку привлечь Плеханова к участию в работе газеты «Жизнь» и его письмо к Плеха-

нову в октябре 1905 г. отражает исключительное отношение к последнему и понимание значения его как большой теоретической силы в русской социал-демократии: «Два повода заставили меня не откладывать дальше прямого обращения к Вам: 1) основание в Питере легальной газеты с.-д. „Новой Жизни“ и 2) события последних дней. Если даже эти события не приведут очень быстро к нашему возвращению в Россию, то во всяком случае это возвращение теперь совсем, совсем близко, и с.-д. газета дает немедленную почву серьезнейшей общей работы.

«Что мы, большевики, страстно желаем работать вместе с Вами, это мне вряд ли нужно повторять Вам...»

«А новая легальная газета, которая будет иметь аудиторию в десятки, если не сотни, тысяч рабочих, — да и вся завтрашняя работа в России в такой момент, когда Ваши громадные знания и громадный политический опыт страшно нужны русскому пролетариату, — все это создаст новую почву, на которой всего легче будет забыть старое, спеться на живом деле».⁸

Однако эта попытка Ленина не увенчалась успехом. Плеханов слишком был связан с меньшевизмом.

В годы реакции Плеханов все же нашел в себе силы, чтобы выступить против ликвидаторства. В. И. Ленин, стремясь к объединению революционных сил, всячески старался сохранить Плеханова для революционного марксизма. Критикуя его политические взгляды, Ленин вместе с тем отмечал положительное значение плехановских выступлений против ликвидаторства, махизма, богоискательства и богостроительства в этот период. Он подчеркивал роль философских произведений Плеханова, указывая в 1908 г., что «единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провести старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова».⁹

В области тактики Плеханов стоял на оппортунистических позициях. Он писал Каутскому 7 декабря 1910 г.: «В вашей политике с Розой Люксембург я был вполне на вашей стороне и согласен с вами до мельчайших подробностей. Это показало мне, к великой моей радости, что нам будет легко столкнуться по вопросам русской тактики».¹⁰

В области организации партии Плеханов разошелся с ликвидаторами. Объясняя свою антиликвидаторскую позицию, он сооб-

⁴ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XV, стр. 12.

⁵ Там же, т. XIII, М.—Пгр., 1923, стр. 274.

⁶ Там же, т. XV, стр. 124.

⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 333.

⁸ Там же, т. 34, стр. 314—316.

⁹ Там же, т. 15, стр. 19—20.

¹⁰ Группа «Освобождение труда», сб. № 6, М., 1928, стр. 277.

щает Каутскому 21 марта 1911 г.: «В настоящее время *Центральный Комитет* находится под влиянием большевиков. В редакции *центрального органа* партии большевики (с их союзниками — поляками) находятся в большинстве. Этого достаточно, чтобы меньшевики были в состоянии перманентного возмущения против партии. И на этот раз дело зашло очень далеко. Бунтовщики хотели бы „ликвидировать“ партию, это их выражение. „Ликвидировать“ партию — это значит *разрушить ее*, это очень хорошо известно. Но меньшевики только этого и хотят. Они говорят, что раз партия будет уничтожена, будут созданы конференции для организации *новой*, и тогда у меньшевиков будет шанс стать *большинством*. Они думают, что для достижения этой цели все дозволено. У нас, таким образом, есть социал-демократы, сознательно работающие над разрушением („ликвидацией“) их собственной партии. Это неслыханно!.. И поэтому я разошелся с нашими теперешними бунтовщиками (этими „ликвидаторами“). Это их раздражает; они с большим ожесточением нападают на меня. Но... *ich kann nicht anders!*».¹¹

В мае 1909 г. Плеханов ушел из редакции «Голос социал-демократа». До этого он покинул редакцию меньшевистского сборника «История общественного движения в России». Порвав с ликвидаторами, он объединил вокруг себя группу меньшевиков-партийцев. В. И. Ленин считал необходимым сближение с этой группой в связи с «общностью целей в борьбе за сохранение и укрепление РСДРП Партии».¹² Когда в «Социал-демократе» (1910 г., № 12) появилась статья Плеханова против ликвидаторов «В защиту подполья», Ленин писал, что лидер меньшевиков-партийцев «защитил партийную линию».¹³

Однако у меньшевика Плеханова и у большевиков во главе с Лениным в эти годы оставались принципиальные разногласия по вопросам стратегии и тактики политической борьбы. На свою связь с большевиками Плеханов смотрел как на временную. Это видно из ряда его писем. Так, в письме к А. М. Колонтай 14 марта 1907 г. Плеханов следующим образом охарактеризовал свою позицию: «Весною я буду в России. Что я найду там? Есть ли там элементы для *настоящей* социал-демократической работы? Скажу точнее: такие элементы есть; но много ли их? А что с большевиками трудно работать, это я понимаю и знаю. Я думаю, что *разрыв неизбежен*. Весь вопрос о том, когда выгоднее развестись с ними».¹⁴

В период борьбы с ликвидаторством Плеханов, находясь в блоке с большевиками, замечает, что его тактические взгляды

¹¹ Там же, стр. 284.

¹² В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 414.

¹³ Там же, т. 16, стр. 139.

¹⁴ Архив Дома Г. В. Плеханова, А.86.3, № 5136.

не изменились. «Поскольку товарищи „большевики“ расходятся со мною в этих взглядах, постольку мы были и останемся *противниками*... Однако, иное дело *противник*, а иное дело *враг*. Я не могу не быть противником большевиков в известных вопросах. Но я не имею права смотреть на них, как на врагов, уже по одному тому, что мы принадлежим к *одной и той же партии*».¹⁵ Он сотрудничал в большевистской «Правде», где поместил ряд статей («Под градусом пуль», «Под суд», «Г. Потресов в роли...»). Ликвидаторы открыли злобную кампанию против Плеханова. Так, например, Потресов в письме к Аксельроду в 1913 г. требовал придать Плеханова суду социалистического Интернационала. В проекте заявления, которое предполагалось послать в Международное социалистическое бюро, говорилось: «Полагая, что те приемы, к которым прибегал Плеханов в течение последних лет в своей литературной борьбе с меньшевиками — „ликвидаторами“ и которые нашли свое собственное яркое выражение в его последних статьях в „Правде“, деморализуют российскую социал-демократию, дискредитуют ее в глазах рабочих масс, затрудняют ее дальнейшее развитие и являются несовместимыми не только с достоинством социал-демократа, но и с честью всякого уважающего себя писателя и политического деятеля; мы обращаемся к авторитетным представителям международного социализма с просьбой организовать суд...».¹⁶

При всем своем меньшевизме после 1903 г. Плеханов оставался выдающимся теоретиком и пропагандистом философии марксизма. Он написал ряд интересных и глубоких произведений в защиту диалектического и исторического материализма. У него причудливо сочетались радикализм в теории, особенно в наиболее абстрактной части ее — в философии, и оппортунизм на практике — в вопросах организации, в политике и тактике классовой борьбы.

Касаясь своей философской позиции, Плеханов в 1910 г. писал: «Мое миросозерцание остается неизменным с тех самых пор, как я сделался марксистом в начале восьмидесятых годов прошлого века. Известно, что наши „критики Маркса“ пришли на этом основании к заключению о моей полной неспособности идти вместе с ними вперед или, вернее, назад — так как отличительная черта „критиков Маркса“, — не только русских, но и западно-европейских, — состоит в том, что они все пытаются „назад“! „Назад к Канту!“, „назад к Лассалю!“ и даже назад... к Шульце-Деличу и Прудону. Я горжусь тем, что у меня совершенно отсутствует склонность к попятному движению».¹⁷

При всех серьезных отступлениях от революционного марксизма, при всем оппортунизме у Плеханова все же оставалась вера

¹⁵ Исторический архив, 1956, № 6, стр. 15.

¹⁶ Социал-демократическое движение в России, т. 1, 1928, стр. 391.

¹⁷ Исторический архив, 1956, № 6, стр. 15.

в русский пролетариат. В 1913 г. он писал: «Русский пролетариат, оплот и надежда российской революции, растет не по дням, а по часам. Его силы не сломит никакая реакция. Кто вздумал бы усомниться в этом, тому я напомню, что в нынешнем году в одном Петербурге 1 Мая праздновалось более чем 200 тысячами рабочих. С таким рабочим классом смертным грехом было бы уныние под влиянием реакции».¹⁸

Конечно, меньшевистские политические взгляды не могли не найти своего отражения в написанных им философских работах. Связь его меньшевизма с ошибками и отступлениями в области философии не всегда прямая. Она ясно обозначается в некоторых вопросах исторического материализма, которые связаны непосредственно с политической практикой (учение о революции, классовой борьбе и государстве), и в меньшей мере обнаруживается в области диалектического материализма и истории философии.

В 1914 г., когда началась мировая империалистическая война, Плеханов встал на позиции социал-шовинизма, изменив тем принципам пролетарского интернационализма, о которых сам хорошо писал в статье «Патриотизм и социализм» (1905). Тогда он видел в революции высший закон, которым надлежало руководствоваться социалистам в своей деятельности. Плеханов справедливо заявлял, что «современный социалистический интернационализм вполне совместим с самой усердной, самой неутомимой работой на благо родной страны; но он совершенно несовместим с готовностью поддерживать родную страну там, где ее интересы приходят в противоречие с интересами революционного человечества, т. е. современного международного движения пролетариата, т. е. прогресса. Интересы этого движения представляют собой ту высшую точку зрения, с которой современный социалист, не желающий изменить своим взглядам, должен оценивать все международные отношения как там, где ими выдвигаются вопросы войны и мира, так и там, где речь заходит о коммерческой политике вообще и о „колониализме“ в частности. Для такого социалиста *salus revolutiae — suprema lex*».¹⁹

Все это было забыто Плехановым. В. И. Ленин подверг бичующей критике его позицию во время первой мировой войны. Плеханов, не поняв империалистического характера войны, оказался в одном лагере с социал-шовинистами II Интернационала.

Субъективно объясняя свое отступничество от пролетарского интернационализма, Плеханов писал 26 декабря 1916 г. Любимову: «Если уж пошло на выражение чувств, то я скажу Вам, что я знаю „одной лишь думы власть“: интересы нашего рабочего

движения. К этому приурочивается и то, что теперь кажется некоторым товарищам моим „национализмом“. Весь мой „национализм“ вызывается сознанием того, что русский пролетариат поставлен историческою судьбою в особенно неблагоприятные условия, и я готов сделать все, что угодно для того, чтобы помешать кому бы то ни было поставить его в условия, еще более неблагоприятные. Другими словами, я вижу, я знаю, что русский рабочий класс есть *пасынок истории*, и глубоко возмущаюсь, когда более его счастливые *дети истории* третируют его с незаслуженным презрением».²⁰

Однако это объяснение Плеханова своей антимарксистской позиции во время войны 1914 г. не может ничуть изменить того объективного значения, которое имело его отступничество от принципов пролетарского интернационализма.

В 1917 г. Плеханов оказался на стороне буржуазии против первой социалистической революции в мире.

Это был последний, тягчайший акт в той трагедии, которую пережил Плеханов, посвятивший всю свою жизнь революционному делу и оказавшийся противником победы русского пролетариата в революции. Он связал свою политическую судьбу с меньшевистской группой «Единство», выступил противником ленинской стратегии и тактики социалистической революции. Но в то же время Плеханов отказался поддержать борьбу против Советской власти, которую вели его политические единомышленники — меньшевики и эсеры. Субъективно считая себя революционным марксистом и веря в дело рабочего класса, в действительности он разделял бесперспективные позиции оппортуниста, утратившего верное понимание революционных задач.

Основными работами Плеханова, относящимися к области диалектического и исторического материализма в рассматриваемый период, являются «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии» (1905), «Пролетарское движение и буржуазное искусство» (1905), «Основные вопросы марксизма» (1908), «Materialismus meitans» (ответ г. Богданову), «О так называемых религиозных исканиях в России» (1909), «Искусство и общественная жизнь» (1912—1913) и некоторые другие.

Что касается плехановского произведения «История русской общественной мысли» (1914—1917), то оно наряду с интересными и правильными фактическими данными и теоретическими положениями содержит глубоко ошибочные идеи, отражающие влияние буржуазно-либеральных воззрений на общественно-исторический процесс в России.

Значительный интерес представляет написанное Плехановым предисловие ко второму изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг

¹⁸ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XIX, М.—Л., 1927, стр. 445.

¹⁹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, М., 1957, стр. 95.

²⁰ Архив Дома Г. В. Плеханова, А.45.27, № 452.

Фейербах и конец классической немецкой философии» (1905), где в полемической форме поставлены весьма важные проблемы диалектического материализма. Это, во-первых, вопрос о сущности материализма Маркса—Энгельса и критика ревизионистских попыток соединения марксизма с различного рода идеалистическими учениями; во-вторых, рассмотрение содержания материалистической диалектики и ее значения для научных исследований, наконец, вопрос о диалектической логике и ее соотношения с формальной логикой.

Плеханов справедливо указывал, что современная буржуазная философия как в России, так и на Западе стоит под знаком реакции. Одной из форм ее борьбы против марксизма являлось требование соединения марксистской теории с философскими взглядами того или другого идеолога буржуазии. Плеханов показывает противостоимость такого соединения, отмечая «полную невозможность „соединить“ философское учение Канта с теорией развития. Так же мало соединимы с ней и взгляды Маха и Авеариуса, представляющие собой новейшую разновидность философии Юма».²¹

Плеханов раскрывает полную несостоятельность утверждения, будто собственно философская сторона марксизма не разработана. Он подчеркивает, что Маркс и Энгельс создали новую философию. «Философия Маркса и Энгельса — не только материалистическая философия. Она есть диалектический материализм».²²

Опровергая положения ревизионистов о том, что диалектика сама по себе не выдерживает критики и что материализм будто бы несовместим с диалектикой, Плеханов показывает объективный характер диалектики. «Основу всех явлений природы, — писал он, — составляет движение материи. Но что такое движение? Это есть очевидное противоречие».²³ Его необходимо рассматривать диалектически.

Большое внимание Плеханов уделяет вопросу о значении внутренних противоречий в развитии явлений жизни. Его анализ философских, эстетических и этических проблем характеризуется в общем глубоким пониманием роли противоречий как источника поступательного движения. Правда, иногда всеобщий характер диалектики показывался им при этом только на сумме примеров.

При рассмотрении же вопросов политической жизни Плеханов после 1903 г. изменял указанному выше требованию диалектики. Его статьи этого времени являются примером отступления от диалектики, ее замены односторонним толкованием противоречий и даже софистикой. В. И. Ленин неоднократно в своем анализе по-

²¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, стр. 71.

²² Там же, стр. 77.

²³ Там же, стр. 78.

литических статей Плеханова обращает на это внимание. Это особенно относится ко времени мировой империалистической войны, когда Плеханов в самой открытой форме подменял марксизм диалектикой софистикой.

Но В. И. Ленин обратил внимание не только на то, что способ доказательства у Плеханова часто идет от показа диалектики как суммы примеров и что тот, будучи меньшевиком, в анализе политических проблем истолковывал диалектику односторонне, софистически, но и указал на то, что Плеханов теоретически не развивает вопрос о диалектике как философской науке, о законе единства и борьбы противоположностей как ядре диалектики, обуславливающим содержание других ее законов и категорий. Он не творчески применил диалектику к гносеологии, хотя в общей форме иногда и говорил о диалектической теории познания. «Плеханов, — замечает Ленин, — написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (Бельтов + против Богданова + против Кантианцев + основные вопросы etc. etc.). Из них о большой Логике, по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно диалектика, как философская наука) nil!!».²⁴ Им не были подвергнуты теоретическому рассмотрению содержание основных законов диалектики, ее категорий. Только некоторые категории, преимущественно относящиеся к области общественной жизни, например свобода и необходимость, были проанализированы Плехановым с этой стороны.

Разработка диалектики как теории познания и содержания диалектических законов и категорий оставалась вне поля зрения Плеханова.

Правда, Плеханов отмечал, что диалектика является логикой противоречия, она отражает противоречивый характер движения, возникновение, изменение и превращение предметов. В этой связи он выдвигает весьма важное положение: «Без диалектики неполна, односторонняя, скажем больше: невозможна материалистическая теория познания».²⁵ Диалектическая логика в понятиях, подчеркивал Плеханов, отражает противоречивый характер материального мира, его развития: «Согласно нашему — материалистическому — учению, противоречия, заключающиеся в понятиях, представляют собою лишь отражения, перевод на язык мысли, тех противоречий, которые заключаются в явлениях, благодаря противоречивой природе их общей основы, т. е. движения».²⁶

Однако положение Плеханова о том, что без диалектики невозможна материалистическая теория познания, не получило у него своего развития. Этот вопрос был разработан В. И. Лениным

²⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 272.

²⁵ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, стр. 83.

²⁶ Там же, стр. 84.

в трудах «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради».

Безусловный интерес представляет анализ Плехановым вопроса о соотношении диалектики, «логики противоречия» с формальной логикой. Диалектика не отменяет формальной логики, но указывает ей границы действительного ее применения.²⁷

Формальная логика имеет дело с покоем, с данным. «Обычная логика, — писал Плеханов, — держится формулы: „Да—да и нет—нет“, а диалектика превращает эту формулу в ее прямую противоположность: „да—нет и нет—да“». ²⁸ Формальная логика указывает на наличие предмета, данных его свойств, отвлекаясь от развития предмета и изменения свойств. Диалектика же имеет дело с процессами, с развитием предмета и изменением его свойств. «На каждый определенный вопрос, — отмечал Плеханов, — о принадлежности данному предмету данного свойства надо отвечать: или—да, или—нет. Это не подлежит сомнению. Но как прикажете отвечать в том случае, когда предмет *изменяется*, когда он *уже утрачивает* данное свойство или *пока еще только приобретает его*? Само собою разумеется, что определенный ответ обязателен и в этом случае; но в том-то и дело, что определенный будет здесь только ответ, построенный на формуле „да—нет и нет—да...“». ²⁹ И здесь должна вступить в свои права диалектика, «логика противоречия». Она отвечает на вопросы, в которых речь идет о движении, изменении противоречий.

Плеханов отмечает, что законы формальной логики в известных пределах применимы также и к движению. «Когда мы стоим перед вопросом о переходе одного вида движения в другой, — скажем, механического движения в теплоту, — нам тоже приходится рассуждать согласно основному правилу Ибервега. Этот вид движения есть или теплота, или механическое движение, или и т. д.». ³⁰

Плеханов, таким образом, разъясняет марксистскую позицию в отношении формальной логики. Марксизм признает правомерность формальной логики и ее законов, но их применение он ограничивает теми рамками, которые говорят об их относительности. Становление не отменяет наличное бытие. Диалектика же мышления человека отражает диалектические свойства бытия. Логика противоречия есть отражение объективных противоречий бытия.

Наряду с этими правильными положениями у Плеханова мы встречаем неточную формулировку в соотношении диалектической и формальной логики, могущую привести к заключению, что формальная логика составляет часть диалектической логики. Вот эта

²⁷ Там же, стр. 83.

²⁸ Там же, стр. 77.

²⁹ Там же, стр. 80—81.

³⁰ Там же, стр. 83.

мысль: «Как покой есть частный случай движения, так и мышление по правилам формальной логики (согласно „основным законам“ мысли) есть частный случай диалектического мышления.» ³¹

Важнейшим произведением Плеханова в рассматриваемый период является «Основные вопросы марксизма», где изложены наиболее существенные проблемы диалектического и особенно исторического материализма. Эта книга получила одобрительный отзыв В. И. Ленина, который назвал ее в числе работ, содержащих лучшее изложение философии марксизма. «Основные вопросы марксизма» были изданы на многих языках и пользовались широкой популярностью.

В этой работе Плеханов дает развернутую характеристику марксистской философии, анализирует ее теоретические источники и освещает наиболее существенные проблемы материалистического понимания истории, подвергая критическому разбору взгляды противников марксизма. В ней дано интересное и в целом, за исключением некоторых вопросов, правильное изложение марксистской философии, а наряду с этим выдвинуты некоторые проблемы, решение которых имеет спорный характер.

Большое значение для марксизма имела постановка вопроса Плехановым о миросозерцании марксизма. Дело в том, что буржуазные идеологи, а вслед за ними ревизионисты в своем походе против марксизма пытались его исказить, сузить до экономического учения и социологии. Эти попытки оживились в связи с выступлениями таких философских ревизионистов, как М. Адлер, Ф. Адлер, Богданов, Юшкевич и др., пытавшихся представить марксизм лишенным своего философского основания.

Вот почему выступление Плеханова с «Основными вопросами марксизма» в защиту философии диалектического материализма имело весьма актуальное значение.

В своей характеристике марксизма Плеханов справедливо подчеркивал, что он является целым миросозерцанием. Учение Маркса—Энгельса имеет свою философскую основу. Между тем «не только в „широкой публике“, до сих пор никогда еще не до раставшей до глубокого понимания философских учений, но даже и в среде людей, считающих себя верными последователями Маркса и Энгельса, и притом не только в России, но и во всем цивилизованном мире, термином „марксизм“ часто обозначаются именно только две только что указанные нами стороны современного материалистического миросозерцания (экономическое учение и исторический материализм, — Б. Ч.). Эти две его стороны рассматриваются в таком случае как нечто совершенно независимое от „философского материализма“ и чуть ли не противоположное ему». ³²

³¹ Там же, стр. 81.

³² Там же, стр. 124—125.

Плеханов решительно выступает против всякого рода попыток на этом основании объединить марксизм с философией Канта, Маха, Авенариуса, Оствальда, И. Дицгена. Он категорически возражает против стремления М. Адлера заменить материалистическую основу марксистского учения кантовской. Марксизм имеет свою философию, органически связанную со всем своим содержанием. «Значение того, что сделал Маркс в теории, — писал Плеханов в статье «Двадцать пятая годовщина смерти Карла Маркса», — не ограничивается его замечательными трудами в области политической экономии и — так называвшейся прежде — философии истории. „Исторический материализм“ представляет собою только часть материалистического миросозерцания Маркса, как в этом легко может убедиться тот, кто даст себе приятный труд прочитать знаменитое полемическое сочинение Энгельса, направленное против г. Евгения Дюринга. Первая часть этого сочинения, написанного, так сказать, на глазах Маркса и даже отчасти с его помощью, посвящена, как известно, философии в собственном смысле этого слова».³³

Таким образом, среди всех теоретиков II Интернационала Плеханов наиболее глубоко ставил и обосновывал вопрос о философской основе марксизма, его мировоззрения.

Эти положения Плеханова были направлены не только против бернштейнцев, но и так называемых «австромарксистов», а также против позиции Каутского, который самым недвусмысленным образом заявил, что он под марксизмом понимает экономические и социологические взгляды Маркса. В письме к Бендианидзе Каутский заявил: «Я понимаю под марксизмом не философию, а эмпирическую науку, особое понимание общества».³⁴

Ревизионисты при этом обычно ссылались на авторитет «ортодокса» Каутского. Буржуазные «критики» марксизма в своей борьбе против него также исходили из определения марксизма Каутским. Вот почему в период полемики с Бернштейном в 90-х годах Каутский совершенно не был озабочен тем, что бернштейнцы предприняли ревизию философских взглядов Маркса.

Плеханов выступил против позитивистской линии «критики» марксизма, получившей, как известно, широкое распространение в современной буржуазной философии и особенно во взглядах современных ревизионистов.

Он всячески подчеркивал цельность содержания марксизма, внутреннее единство его экономической, социологической и философской сторон. В одном из вариантов его статьи «Двадцать пятая годовщина смерти Карла Маркса» имеется следующее интересное место: «Каждая сторона этого миросозерцания самым тесным образом связана со всеми остальными и каждая освещает собою все

³³ Там же, стр. 197—198.

³⁴ Der Kampf, Bd. II, 1908—1909, S. 452.

остальные, помогает их пониманию. Нельзя вырвать какую-нибудь одну из них и ограничиться ее признанием, устраняя остальные или игнорируя их. Это значит изуродовать марксизм, изгнать из нее душу, превратить эту живую теорию в мумию мысли и, не довольствуясь даже этим, сосредоточить все свое внимание лишь на том или другом органе этой мумии».³⁵

В своем обосновании философской стороны марксизма Плеханов анализирует генезис философских воззрений Маркса и Энгельса. Он отмечает основные узлы их теоретического развития, предприняв рассмотрение вопроса об отношении философских взглядов Маркса и Энгельса к философии Фейербаха и Гегеля.

Этот вопрос, как мы знаем, был проанализирован им еще раньше, но в произведении «Основные вопросы марксизма» Плеханов исследует основные произведения Маркса и Энгельса, которые отражали определенные вехи их теоретической эволюции, дает обоснование развитию их философских взглядов.

Но рассмотрение содержания их материализма является, пожалуй, одним из слабых мест данной работы Плеханова. Здесь в известной степени им были систематизированы и даже углублены прежние ошибочные высказывания.

В своем определении марксизма Плеханов справедливо подчеркивал, что марксизм является современным материализмом. Однако он находил, что только исторический материализм и политическая экономия являются в своих основаниях исключительно делом Маркса и Энгельса. Что касается философской стороны марксизма, то Плеханов, как и в более ранних произведениях, решает его по меньшей мере неточно, а иногда и совсем неправильно. Правда, здесь не обходится дело без некоторых колебаний и противоречий, без известных оговорок.

Плеханов прав, когда подчеркивает определенное значение материализма Фейербаха для философского развития Маркса и Энгельса.

Как известно, В. И. Ленин в статье «Карл Маркс», прослеживая философский путь основоположников научного социализма, указывал также на большую роль Фейербаха в развитии их миросозерцания. «Начиная с 1844—1845 гг., когда сложились взгляды Маркса, — писал В. И. Ленин, — он был материалистом, в частности сторонником Л. Фейербаха...».³⁶

Но Плеханов не ограничивается констатацией этого влияния Фейербаха на определенном этапе эволюции философских взглядов основоположников научного социализма. Для него нет сомнения в том, что Фейербах являлся не только предшественником философских взглядов Маркса, но и создателем их основы. Наи-

³⁵ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, стр. 198 (прим.).

³⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 34.

более важная часть философии Фейербаха, по его мнению, навсегда вошла в философию Маркса и Энгельса. «Даже критикуя Фейербаха, в своих тезисах, — замечает Плеханов, — Маркс нередко развивает и дополняет его же мысли».³⁷ Рассмотрение основных положений философских взглядов Фейербаха приводит его к убеждению, что теория познания Маркса не только происходит от теории познания Фейербаха, но собственно тождественна последней. «Но все-таки надо признать, — писал Плеханов, — что гносеология Маркса по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха или, если хотите, что она, собственно, и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки».³⁸ Эта поправка, по Плеханову, заключалась в том, что Маркс подчеркнул роль практики в познании и тесно связал теорию познания со своим материалистическим взглядом на культурную историю человечества.

В своем историческом экскурсе Плеханов становится на путь сближения домарксистского материализма с диалектическим материализмом. На том основании, что материализм в любой его форме имеет общие посылы в решении основного вопроса философии, Плеханов совершенно неправомерно сближает и даже нередко отождествляет старый материализм с марксистским материализмом, преувеличивая историческую преемственную связь между ними, не замечая их принципиального различия. Он считал глубокой ошибкой рассматривать мирозерцание Маркса и Энгельса отличным от взглядов Фейербаха. Непонимание коренного различия материализма Маркса и Энгельса и материализма Фейербаха привело Плеханова к тому, что он стремился неправомерно сблизить взгляды некоторых естествоиспытателей (А. Фореель, Р. Г. Франсэ) с философскими воззрениями основоположников марксизма.

На это справедливо обратил внимание Ф. Меринг в рецензии на книгу Плеханова «Основные вопросы марксизма».

В этой книге Плеханов писал: «В современном естествознании довольно быстро распространяется, преимущественно между неоламаркистами, учение о так называемой *одушевленности материи*, т. е. о том, что материя вообще, а особенно всякая *организованная материя*, обладает известной степенью *чувствительности*. Это учение, рассматриваемое некоторыми как прямая противоположность материализму (см., например, книгу Р. Г. Франсэ «*Der heitige Stand der Darwischen Fragen*», Leipzig, 1907), на самом деле представляет собою, будучи правильно понято, лишь перевод на язык новейшего естествознания материалистического учения Фейербаха об единстве бытия и мышления, объекта и субъекта. Можно с уверенностью утверждать, что усвоившие это учение Маркс и Энгельс

³⁷ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, стр. 136.

³⁸ Там же, стр. 137.

отнеслись бы к указанному — пока еще, правда, очень плохо разработанному — направлению в естествознании с самым живым интересом».³⁹

Ф. Меринг указывал Плеханову, что он неправ в своем заявлении о неоламаркизме как учении, совпадающим со взглядами материалистов. Неоламаркизм, в частности неовиталистические взгляды Франсэ, писал Ф. Меринг, означают прямую противоположность материализму и дарвинизму. Франсэ борется против материалистического мировоззрения. На место дарвинизма неоламаркисты «ставят новое издание старого учения о движущей силе, поэтому не только „не странно“, как считает Плеханов, но скорее очень логично то, что они уверены, что могут опровергнуть материализм. Их учение хочет быть в первую очередь философией, но как таковое оно находится в вопиющем противоречии с философией Фейербаха».⁴⁰ Оно, напротив, примыкает к философии Шопенгауэра и Гартмана.

Насколько Плеханов стоял в стороне от понимания вопросов, связанных с естествознанием, показывает его ошибочная оценка теории мутаций де Фриса. Он считал, что взгляд де Фриса является наиболее близким к диалектическому пониманию скачкообразности развития в природе. Что касается теории Дарвина, то она была оценена Плехановым неточно. Он писал, соглашаясь с де Фрисом, что «слабую стороной Дарвиновой теории происхождения видов является именно та мысль, что это происхождение может быть объяснено постепенными изменениями».⁴¹ Между тем известно, что теория Дарвина, по существу, исходит из признания качественных переходов от старого вида к новому виду и, следовательно, признает скачки, несмотря на то, что сам творец этой теории словесно отрицал скачки в природе.

Критика Плехановым противников марксистской философии содержала ошибки, которыми, конечно, пользовались антимарксисты. Так, например, идеалист кантианец М. Адлер в своей борьбе против марксистского материализма использовал допущенные Плехановым в «Основных вопросах марксизма» ошибки, в частности его неправильное утверждение о том, что марксизм представляет собой «род спинозизма». М. Адлер софистически писал: «В сущности достаточно уже плехановского констатирования, что этот „развитый материализм“ является современным спинозизмом, чтобы каждый, считающий это правильным, согласился, что он больше не является материализмом».⁴²

³⁹ Там же, стр. 150.

⁴⁰ Fr. Mehring. Der historische Materialismus. Neue Zeit, 1910, Bd. II, S. 550.

⁴¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, стр. 150.

⁴² M. Adler. Marxismus und Materialismus. Der Kampf, 1909—1910, Bd. III, S. 570.

Как мы уже отметили, слабым местом сочинения Плеханова «Основные вопросы марксизма» является неправильное решение вопроса об отношении марксистского материализма к материализму Фейербаха. Заявляя справедливо, что «материализм Маркса и Энгельса представляет собою гораздо более развитое учение, нежели материализм Фейербаха»,⁴³ Плеханов вместе с тем утверждает, что основа материализма последнего вошла в содержание материализма Маркса и Энгельса и что взгляды последних «развивались в том самом направлении, которое указывалось внутренней логикой философии Фейербаха».⁴⁴

В том, что Плеханов ищет генезис материалистических взглядов основоположников научного социализма в учении Фейербаха, нет ничего отрицательного. Но когда он пытается полностью отождествить основополагающие мысли материализма Маркса—Энгельса с положениями Фейербаха, то впадает в принципиальную ошибку и подрывает свое положение о том, что Маркс и Энгельс совершили революцию в философии и создали диалектический материализм.

Свою ошибку Плеханов повторяет и в работе «От идеализма к материализму» (1915), утверждая, что Маркс и Энгельс до конца жизни оставались последователями Фейербаха в том, что «касалось общего философского взгляда на отношение субъекта к объекту».⁴⁵

Что касается характеристики диалектики Маркса и Энгельса, то Плехановым высказываются в общей форме правильные суждения о ней и ее коренном отличии от идеалистической диалектики Гегеля. Обращает на себя внимание тот факт, что теорию познания марксизма Плеханов отождествляет с теорией познания Фейербаха и не связывает ее с диалектикой.

При рассмотрении и разработке вопросов марксистской философии Плеханов уделял внимание главным образом вопросам исторического материализма, а в этой связи общественным наукам, а не естествознанию. Последнее рассматривалось им мимоходом, вскользь. Новейшее естествознание он не анализировал. Это сказало на трактовке им вопросов диалектического материализма, вопросов критики современной буржуазной философии, например неокантианства и махизма.

Правда, в общей форме Плеханов говорил, что открытия современного естествознания опровергают положения идеализма в его различных формах. Так, в 1904 г. он замечает: «Современное естествознание опровергает именно идеализм, а не диалектику. Поскольку диалектика сама становится материа-

листической, как это мы видим у Маркса и Энгельса, она всецело представляет собой тот самый метод, которым пользуются современные науки о природе и об обществе, — естествознание и социология. Но современные натуралисты и социологи чаще всего пользуются своим методом бессознательно и потому сами не имеют надлежащего понятия ни в нем самом, ни о его великом значении».⁴⁶

В предисловии к книге Деборина «Введение в философию диалектического материализма» в 1916 г. он писал: «... нужно заметить, что явления, совершающиеся „в недрах атома“, как нельзя лучше подтверждают диалектический взгляд на природу».⁴⁷

У Плеханова отсутствует анализ закономерностей развития современного естествознания, разбор фактов новейшей революции в естествознании и их теоретического обобщения. Без такого анализа и теоретического обобщения невозможно было творчески развивать проблемы диалектического материализма, в особенности гносеологию, содержание законов и категорий диалектики. Вот почему Плеханов более глубок в вопросах исторического материализма, чем в вопросах диалектического материализма.

Конечно, указанные обстоятельства составляют часть истины. Были и другие причины, которые не дали Плеханову возможности творчески развить дальше философию марксизма, поднять ее на новую, высшую ступень. Они были связаны с непониманием закономерностей эпохи империализма и новой ступени в развитии международного рабочего движения.

Главное внимание в «Основных вопросах марксизма» Плеханов уделил историческому материализму. Раскрывая марксистский взгляд на причины развития общества, он указывал, что действительные причины изменения общественных отношений тесно связаны с развитием производительных сил. Далее Плеханов ставит вопрос о том, какими причинами обуславливается развитие производительных сил, находящихся в распоряжении общества, и отвечает, что «в этой своей последней форме он решается прежде всего указанием на свойства географической среды».⁴⁸

Это положение Плеханов пытается обосновать указанием на то, что свойства географической среды определяют собой характер предметов природы, которые служат человеку для удовлетворения его потребностей, и предметов, производимых им самим. По его мнению, имеет значение также и то обстоятельство, что во время обмена между племенами раздвигаются пределы географической среды, влияющей на развитие производительных сил каждого из этих племен, и ускоряется тем самым прогресс. Ха-

⁴³ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, стр. 144.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, стр. 683.

⁴⁶ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV, М., 1937, стр. 207.

⁴⁷ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, стр. 638.

⁴⁸ Там же, стр. 151.

рактир географической среды обуславливает характер отношений между людьми. И в заключение Плеханов, опираясь на известное высказывание Маркса, замечает, что «чем разнообразнее свойства географической среды, тем благоприятнее она для развития производительных сил».⁴⁹

Безусловно Плеханов прав, когда указывает на конкретное многообразное влияние географической среды на развитие производительных сил. Но он неправ, когда в этом влиянии видит чуть ли не единственную причину развития производительных сил.

В «Основных вопросах марксизма» Плеханов усугубляет свою неправильную формулировку, о которой мы говорили, когда рассматривали его более ранние произведения. Он писал: «Итак, свойства географической среды обуславливают собою развитие производительных сил, развитие же производительных сил обуславливает собою развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений».⁵⁰ Переоценку влияния географической среды в объяснении причины развития производительных сил мы находим у Плеханова и в «Истории русской общественной мысли». Но там же мы встречаем и правильную теоретическую постановку им вопроса о значении географической среды в развитии общества. Она, по его мнению, «дает больший или меньший простор развитию производительных сил, находящихся в распоряжении данного человеческого общества».⁵¹

Это узкое решение вопроса оставляет в тени важные моменты, как значение производственных отношений и науки, как роль общественных потребностей в развитии производительных сил общества.

Конечно, в работах Плеханова в других связях ставятся указанные проблемы. Но при решении в целом вопроса о причинах развития производительных сил он устраняется от рассмотрения перечисленных моментов, что приводит его к переоценке роли географической среды в развитии производительных сил общества.

Однако укажем на весьма интересное положение Плеханова, свидетельствующее о том, что он в целом понимает роль общественных отношений для развития производительных сил: «Мы знаем теперь, что развитие производительных сил, определяющее собою в последнем счете развитие всех общественных отношений, определяется свойствами географической среды. Но, раз возникнув, данные общественные отношения сами оказывают большое влияние на развитие производительных сил. Таким образом, то, что первоначально является следствием, в свою очередь становится

⁴⁹ Там же, стр. 153.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. III. 1917, стр. 242.

причиной; между развитием производительных сил и общественным строем возникает взаимодействие, в различные эпохи принимающее самые разнообразные виды».⁵²

Таким образом, здесь Плеханов учитывает влияние общественных отношений на развитие производительных сил. Это весьма важное дополнение, которое некоторым образом исправляет его первоначальное решение.

Плеханов, говоря о влиянии географической среды на человека, подчеркивает, что она преимущественно носит косвенный характер. «По Марксу, — замечает он, — географическая среда влияет на человека через посредство производственных отношений, возникающих в данной местности на основе данных производительных сил, первым условием развития которых являются свойства этой среды. Современная этнология все более и более переходит на эту точку зрения».⁵³

Подобный взгляд Плеханов развивает и в «Истории русской общественной мысли».⁵⁴

Следует оттенить и другую сторону вопроса: Плеханов выдвигает тезис о том, что с развитием производительных сил меняется характер влияния географической среды: «Влияние географической среды на общественного человека представляет собою переменную величину. Обусловливаемое свойствами этой среды развитие производительных сил увеличивает власть человека над природой и тем самым ставит его в новое отношение к окружающей его географической среде; нынешние англичане реагируют на эту среду совсем не так, как реагировали на нее племена, населявшие Англию во времена Юлия Цезаря. Этим окончательно устраняется то возражение, что характер населения данной местности может существенно измениться несмотря на то, что ее географические свойства остаются неизменными».⁵⁵

Характеризуя взаимодействие производительных сил и производственных отношений, Плеханов раскрывает активную роль производственных отношений и в этой связи критикует «экономический материализм».

Серьезный интерес представляет проанализированная и в известной степени самостоятельно рассмотренная Плехановым в отдельных аспектах проблема соотношения базиса и надстройки. В «Истории русской общественной мысли» он справедливо замечает: «Однако, поле зрения исторического материализма не ограничивается одной экономикой. В него не только входит, но непре-

⁵² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, стр. 154.

⁵³ Там же, стр. 157—158.

⁵⁴ Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. I. Изд. «Мир», 1914, стр. 26.

⁵⁵ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, стр. 158—159.

менно должна входить вся та „надстройка“, которая, возникая на экономической основе, всегда имеет более или менее сильное обратное влияние на нее. Если бы материалист не захотел принимать во внимание это обратное влияние, то он тем самым изменил бы своему собственному методу: устранить из своего поля зрения „надстройку“ вовсе не значит объяснить ее происхождение из экономической основы и ее обратное воздействие на эту последнюю».⁵⁶

Значительное внимание Плеханов уделяет вопросу взаимодействия базиса и надстройки и обратного влияния надстройки на базис. Он решительно выступает против вульгарно-экономического подхода к объяснению исторического процесса, отвергает схему, согласно которой существует лишь односторонняя связь; формула «бытие определяет сознание» обязательно включает в себя обратное влияние сознания на бытие.

Эту диалектику общественно-исторического процесса Плеханов объясняет так: «... хотя данное состояние производительных сил служит причиной, вызывающей данные производственные, и в частности имущественные, отношения, но, раз возникли эти последние как следствие указанной причины, они начинают влиять на эту причину с своей стороны. Таким образом, получается взаимодействие между производительными силами и общественной экономией. А так как на экономической основе вырастает целая надстройка общественных отношений, чувств и понятий, причем эта надстройка тоже сначала способствует, а потом препятствует экономическому развитию, то между надстройкой и основой тоже возникает взаимодействие, заключающее в себе полную разгадку всех тех явлений, которые на первый взгляд кажутся противоречащими основному положению исторического материализма».⁵⁷

Плеханов справедливо подчеркивает, что выступления «критиков» Маркса с тезисом об односторонности марксизма является результатом непонимания той роли, которая отводится марксизмом взаимодействию «основания» и надстройки. Разнообразие влияния «факторов» — политического, правового, идеологического — нимало не нарушает единства причины — общественной экономии, обусловленной развитием производительных сил. «Чрезвычайно важно заметить, — писал Плеханов, — что когда Энгельс, уже незадолго до своей смерти, отвергал „автоматическое“ понимание исторического действия экономики, он только повторял — почти в тех же самых словах — и пояснял то, что написал Маркс уже в 1845 г. в приведенном нами выше третьем тезисе о Фейербахе».⁵⁸

⁵⁶ Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, т. I, стр. 254.

⁵⁷ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, стр. 166.

⁵⁸ Там же, стр. 169.

Разъясняя соотношение экономики, социальной структуры и политики в обществе, Плеханов подчеркивал, что экономика является основанием социального строя, который в свою очередь определяет политический строй, политические организации и политическую теорию. «Исторический материализм Маркса — Энгельса, — писал Плеханов, критикуя в этом вопросе историка Ключевского, — объясняющий политические учреждения социальным строем, а социальный строй общественной экономикой, окончательно выяснил взаимное отношение экономического и политического „моментов“ общественного развития. Маркс и Энгельс прекрасно понимали огромное историческое значение политического „момента“. Именно, по этой причине они сами деятельно занимались политикой».⁵⁹

Политический «момент» оказывает активное обратное влияние как на социальную структуру, так и на экономику общества.

Плеханов обращает внимание на тот факт, что общественные отношения изменяются не автоматически, а в результате деятельности человека: «Изменение этих отношений не может совершаться „автоматически“, т. е. независимо от человеческой деятельности, потому что эти отношения являются отношениями, устанавливающимися между людьми в процессе их деятельности».⁶⁰

И в то же время человеческая деятельность, указывает Плеханов, в учении марксизма определяется как необходимая, законосообразная и потому могущая стать объектом научного исследования. «Таким образом, — рассуждает Плеханов, — исторический материализм, не переставая указывать на то, что обстоятельства изменяются людьми, в то же время впервые дает нам возможность взглянуть на процесс этого изменения с точки зрения науки. И вот почему мы имеем полное право сказать, что материалистическое объяснение истории дает необходимые пролегомены для всякого такого учения о человеческом обществе, которое захочет выступить как наука».⁶¹

Плеханов, раскрывая теорию исторического материализма, подчеркивает его методологическое значение для всей общественной науки. Он справедливо отмечает, что общественное знание в той мере становится наукой, в какой усваивает основные положения материалистического понимания истории. «Это до такой степени верно, что уже и в настоящее время любое исследование той или другой стороны общественной жизни приобретает научное значение лишь в той мере, в какой оно приближается к ее материалистическому объяснению».⁶²

⁵⁹ В. Плеханов, История русской общественной мысли, т. I, стр. 16.

⁶⁰ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, стр. 170.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

Подчеркивая огромное методологическое значение исторического материализма для научных исследований, Плеханов указывал, что теория Маркса — это не свод готовых правил, сама действительность подтверждает материалистическое понимание истории; настоящие научные исследования в области общественности соответствуют положениям исторического материализма.

Вместе с тем Плеханов предостерегает о необходимости принципиального различия исторического материализма и вульгарного экономизма, заменяющего живое исследование явлений их схематическим объяснением. Как на пример упрощенства он указывает на сочинение грека А. Элевтеропулоса «Хозяйство и философия», в котором высказываются «донельзя упрощенные соображения о влиянии борьбы классов на историю философии...».⁶³

Другим таким примером, по словам Плеханова, является работа Франца Фейергерда «Возникновение стилей из политической экономики», в которой автор схематично объясняет происхождение различных греческих стилей экономическим состоянием древней Греции. «По своей схематичности его рассуждения, — говорит Плеханов, — напоминают рассуждения наших доморожденных Фриче и Рожковых, которым, как и ему, надо пожелать прежде всего и больше всего изучения современного материализма. Только марксизм может спасти всех их от схематизма».⁶⁴

Борьба против экономического материализма с его схематизмом в объяснении общественных явлений занимает в работах Плеханова видное место. В 1909 г. в журнале «Современный мир» (№ 5) появилась его рецензия на книгу Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии (от Декарта до Маха)». В рецензии он подверг критике упрощенческие философские взгляды и вульгарный метод Шулятикова при анализе истории западноевропейской философии. Плеханов тонко и глубоко ставит вопрос о партийности в философии. Он замечает, что «задача исследователя очень упростится, если он предположит, что философская мысль данного класса всегда выражает лишь ближайший интерес этого класса. Но простота — далеко не всегда достоинство».⁶⁵ Между тем Шулятиков ложно считал, что философия выражает ближайшие интересы буржуазии, игнорируя относительную самостоятельность в ее развитии. «В самом деле, — писал Плеханов, — утверждать, что „все без остатка философские термины“ служат для обозначения общественных классов, групп, ячеек и их взаимоотношений, — значит доводить чрезвычайно важный вопрос до той простоты, которая может быть характеризована эпитетом „суздальская“».⁶⁶

⁶³ Там же, стр. 176.

⁶⁴ Там же, стр. 179.

⁶⁵ Там же, стр. 320.

⁶⁶ Там же, стр. 322.

Плеханов справедливо указывал на относительную самостоятельность в развитии идеологии, на то, что экономическое развитие общества обуславливает собой все остальные стороны его развития «в последней инстанции». Содержание книги Шулятикова в этой связи он назвал пародией на марксизм.

В работе «Основные вопросы марксизма» Плеханов указывал, что исторический материализм, кроме изучения технического и экономического «факторов», для объяснения исторического процесса требует анализа и других его сторон: политического, правового и идеологического моментов. «Это, — замечает он, — похоже на парадокс; но это неоспоримая истина, которая перестанет удивлять нас, если мы вспомним, что хотя у Маркса всякое общественное движение объясняется экономическим развитием общества, но оно очень часто объясняется им лишь в последнем счете, т. е. предполагает промежуточное действие целого ряда разных других факторов».⁶⁷

В сочинении «Основные вопросы марксизма» Плеханов пытается кратко сформулировать основные положения материалистического понимания истории. Он отмечает пять сторон общественно-исторического процесса: «Если бы мы захотели кратко выразить взгляд Маркса-Энгельса на отношение знаменитого теперь „основания“ к не менее знаменитой „надстройке“, то у нас получилось бы вот что:

- 1) состояние производительных сил;
- 2) обусловленные им экономические отношения;
- 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической „основе“;
- 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека;
- 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики».⁶⁸

В сущности, эта формула была высказана Плехановым еще в «Очерках по истории материализма». Но здесь она получила более стройный вид.

«Пятичленная формула» Плеханова вызывала в нашей литературе неоднократные возражения. Нам представляется, что критические замечания в ее адрес можно и нужно сделать при рассмотрении главным образом ее последней стороны. Наше возражение сводится к следующему. Плеханов устанавливает связь идеологии с общественной психологией. Это правильно, но он неверно рассматривает психику как промежуточную сферу сознания между экономикой и социально-политическим строем, с одной стороны, и идеологическими формами в обществе — с другой. Общественная психология как совокупность чувств, настроений существует на-

⁶⁷ Там же, стр. 174.

⁶⁸ Там же, стр. 179—180.

ряду с идеологией как системой идей, понятий в своих многообразных формах. Если исходить из формулы Плеханова и его комментария к ней, то следует признать, что «все идеологии имеют один общий корень — психологию данной эпохи». Но это положение Плеханова неправильно. Идеологии определяются общественным бытием — экономическими отношениями и социально-политическим строем. Здесь психология и идеология имеют общий корень.

Сам Плеханов во многих своих произведениях прекрасно это показывает, раскрывая зависимость идеологии от экономических отношений людей, от интересов и борьбы классов. В пятичленной формуле он изменяет своему правильному анализу, подчеркивая связь идеологии только с психологией, что является ошибочным.

Следует отметить то рациональное в соотношении психологии и идеологии, что содержится в плехановской формуле общественного развития. Это, во-первых, постановка вопроса об общественной психологии, психологии классов. Во-вторых, постановка вопроса о связи и взаимодействии между психологией и идеологией. Предпринятая Плехановым попытка выяснить вопрос о соотношении психологии и идеологии в обществе безусловно правомерна. Касаясь вопроса о психике, он писал: «Материалисты вовсе не отрицают значения психики. По их мнению, „психика“ — не только могущественный, но и безусловно необходимый фактор цивилизации, так как без „психики“ цивилизация была бы совершенно невозможна».⁶⁹ Плеханов справедливо указывал, что психика человека является предметом изучения как естествознания, так и социологии. «Поскольку психика человека есть результат биологической эволюции, постольку она составляет предмет исследования биологии, а не социологии. Социология имеет дело с этой психикой лишь постольку, поскольку ее развитие совершается в процессе исторической эволюции человечества».⁷⁰

Всякая схема обычно страдает односторонностью, абстрактностью. Плехановской схеме тоже присущи эти черты. Она статична, не отражает той диалектики общественного развития, о которой говорит Маркс в предисловии «К критике политической экономии». Конфликт производительных сил и производственных отношений не нашел себе места в ней, хотя этот вопрос Плеханов и освещает в своем сочинении.

В произведении «Основные вопросы марксизма» в связи с анализом взаимоотношений базиса и надстройки Плеханов всесторонне рассматривает проблему относительной самостоятельности в развитии идеологии. Идеи, замечает он, будучи по содержанию классовыми, по форме находятся в тесной связи с идеями, господствовавшими в предшествовавшую эпоху. Им анализируется проблема

⁶⁹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV, стр. 240 (прим.).

⁷⁰ Там же, стр. 240.

относительной самостоятельности в развитии идеологии в следующих аспектах: а) опосредствующая связь идеологии с базисом; б) особенности зависимости идеологий от базиса; в) связь идеологий с общественной психологией; г) активная роль идеологий; д) историческая преемственная связь идеологий.

Раскрывая относительную самостоятельность идеологий, Плеханов высказывает много интересных и правильных мыслей о зависимости политической надстройки, религии и искусства от экономических и социальных отношений в обществе. Анализируя основу исторической преемственности связи в развитии идеологии, он указывал на социально-экономические отношения, которые и обуславливают в конечном счете эту связь.

При рассмотрении идеологического взаимодействия одного общества на другое Плеханов подчеркивал также этот материалистический тезис. Он опровергает положение идеалистов о том, что основу взаимодействия между обществами составляют идеи. По его мнению, напротив, тот или иной характер идеологической связи должен быть объяснен из существующей экономики и выросшими на ее основе социально-политическими отношениями. «Нам неизвестны, писал Плеханов, — такие цивилизованные общества, которые не приходили бы в соприкосновение со своими соседями. Для каждого такого общества существует известная историческая среда, неизбежно влияющая на его развитие. И для каждого общества среда эта различна. Этим вносится элемент разнообразия в ход исторического движения. И этим в значительной степени объясняется то, что нет и не может быть двух обществ, процесс развития которых был бы совершенно одинаков. Воздействие одного общества на другое, взаимодействие между ними, — не выдумка „туманных метафизиков“, а простой исторический факт. Для социолога вопрос заключается не в том, существует ли оно, — это стоит вне всякого сомнения, — а в том, по каким путем оно, прежде всего, направляется. Последовательные идеалисты, считавшие „мнение“ главной движущей силой общественного развития, были по-своему совершенно правы, думая, что одно общество воздействует на другое, прежде всего, посредством своих идей («просвещения»). Последовательные материалисты нисколько не отрицают идейного воздействия между народами. Но, по их научному убеждению, путь для него подготавливается теми международными сношениями, которые обуславливаются материальными нуждами народов».⁷¹

Займствование идей одним обществом у другого, как и формы этого займствования, в конечном счете обуславливается его экономическими и социально-политическими отношениями.

⁷¹ Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, т. I, стр. 254—255.

Большой интерес представляет постановка вопроса Плехановым о том, что характер мышления идеологов буржуазии на разных этапах развития капитализма определяется социально-политическими отношениями. Он подчеркивает неизбежное лицемерие господствующего класса: «Материалистическая диалектика... до такой степени противоречит настроению этого класса, что естественно представляется его идеологам чем-то непозволительным, неприличным, недостойным ни „порядочных людей“ вообще, ни „почтенных“ мужей науки в частности. Неудивительно, что каждая из ученых почтенностей считает себя нравственно обязанной отклонять от себя всякое подозрение в сочувствии к материализму... „Условная ложь“ общества, разделенного на классы, тем больше разрастается, чем более расшатывается под влиянием экономического развития и вызываемой им классовой борьбы существующий порядок вещей. Маркс весьма справедливо сказал, что чем более развивается противоречие между растущими производительными силами и существующим общественным строем, тем более пропитываться лицемерием идеология господствующего класса».⁷²

Очень интересные и справедливые суждения высказывает Плеханов по поводу разлада между отдельными идеологами в области литературы и искусства и тем классом, интересы которого они выражают в конечном счете. Он глубоко объясняет этот процесс на конкретных примерах. В своем выводе он замечает: «Подобный разлад между идеологами и тем классом, стремления и вкусы которого они выражают, вообще не редкость в истории. Им объясняются весьма многие особенности в умственном и художественном развитии человечества. В интересующем нас случае этот разлад вызвал, между прочим, то пренебрежительное отношение „тонко“ чувствующей „élite“ к „тупым буржуа“, которое и до сих пор вводит в заблуждение наивных людей, решительно неспособных понять благодаря ему архибуржуазный характер романтизма. Но здесь, как и везде, происхождение и характер такого разлада может быть объяснен в последнем счете только экономическим положением, экономической ролью того общественного класса, в среде которого он проявился. Здесь, как и везде, только бытие проливает свет на „тайны“ мышления. И вот почему здесь — опять, как везде, — только материализм способен дать научное объяснение „хода идей“».⁷³

Произведение «Основные вопросы марксизма», несмотря на содержащиеся в нем серьезные ошибки и неточности, все же сыграло значительную роль в пропаганде марксистской философии. Оно получило одобрительные отзывы и рекомендации со стороны таких видных марксистов, как В. И. Ленин, Ф. Меринг и др. Зато

⁷² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, стр. 185, 186.

⁷³ Там же, стр. 182.

буржуазные идеологи, а наряду с ними ревизионисты подвергли резкой критике плехановскую работу. Так, например, М. Адлер в своей статье «Marxismus und Materialismus»,⁷⁴ полемизируя с Плехановым, отверг его тезис — «марксизм есть современный материализм». Он отрицал какую-нибудь внутреннюю связь марксизма с философским материализмом. Марксизм, по его словам, представляет собой лишь социологию и вовсе не должен претендовать на мировоззренческое значение. «Учение о закономерности истории и применение ее к учению о сущности экономических категорий и экономического развития общества, — писал М. Адлер, — это и есть марксизм».⁷⁵ А если это так, то «„марксистская социология“ соединима с любым философским направлением. Она может быть связана одинаково хорошо с пантеизмом и атеизмом».⁷⁶

В брошюрах «Маркс как мыслитель» и «Энгельс как мыслитель» М. Адлер стремился превратить основоположников научного социализма в позитивистов. Соглашаясь с Плехановым, что Маркс и Энгельс испытали на себе влияние взглядов Фейербаха, он и материализм последнего беззастенчиво отождествлял с позитивизмом.

К анализу проблемы идеологии, предпринятому Плехановым в «Основных вопросах марксизма», теснейшим образом примыкают статьи, рассматривающие происхождение и сущность искусства и религии. Остановимся пока на анализе Плехановым религии. Вопросы искусства будут разобраны в следующей главе.

Исследованию и критике религии как форме общественного сознания Плеханов посвятил ряд интересных и глубоких по содержанию статей: «О так называемых религиозных исканиях в России», «О книге Э. Бутру», «О книге Фр. Лютгенау», «О брошюре А. Паннекука», «Ответ на анкету о будущем религии», проведенную журналом «Mercure de France» и др.

Исходя из основных положений Маркса и Энгельса и используя современные исторические и этнографические данные, Плеханов конкретизирует вопрос о происхождении и развитии религии.

На основе значительных конкретных материалов Плеханов более глубоко, чем другие виднейшие марксистские теоретики — П. Лафарг и Ф. Меринг, — анализирует религию как форму общественного сознания.

Это было чрезвычайно важным моментом в пропаганде и развитии марксистской теории. Дело в том, что виднейшие социал-демократы, стоявшие во главе II Интернационала, искажали марксистскую позицию. Они отстаивали тезис «религия — частное дело для члена социал-демократической партии». Это нашло свое прямое выражение в программе немецкой социал-демократической партии.

⁷⁴ Der Kampf, 1909—1910, Bd. III, S. 565.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

Каутский, виднейший авторитет II Интернационала, отстаивая оппортунистический тезис, отрицал реакционную сущность религии, не видел ее классовых корней. В статье «Социал-демократия и религия» (1902) он утверждал, фальсифицируя взгляды марксизма, что следует отличать религию как душевное состояние человека от понятия религии как официальной системы идей, подчиненных авторитету. Религия в первом смысле вполне может быть признана социализмом.

Позиция Каутского поощряла ревизионистов в их богостроительских стремлениях, в их борьбе против атеизма. Ревизионизм в самой неприкрытой форме пропагандировал религию. «Религия в смысле внутреннего, тайного влечения к осуществлению идеала, — писал Гильдебранд, — является не ослаблением, но укреплением рабочего движения, и предпосылкой всякого социализма».⁷⁷

Вот почему борьба Плеханова против религии имела международное значение. Она сыграла большую роль в критике богоискательства в России в годы реакции. Крупнейшая работа Плеханова по вопросам религии и отношения к ней социал-демократии «О так называемых религиозных исканиях в России» была написана в связи с необходимостью дать отпор богостроительству и богоискательству. О реакционном характере настроений среди русской буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции и о вреде их для революционного движения В. И. Ленин писал: «Эта проповедь стала систематической именно за последние полтора года, когда русской буржуазии в ее контрреволюционных целях понадобилось оживить религию, поднять спрос на религию, сочинить религию... Проповедь богостроительства приобрела поэтому общественный, политический характер».⁷⁸

Как известно, В. И. Ленин в своих произведениях выступил против богоискательства и богостроительства. Он с одобрением отнесся к критике Плеханова. Но вместе с тем Ленин справедливо подчеркивал, что Плеханов, правильно показывая вред проповеди Луначарским, Богдановым и другими религии без бога, пытался использовать этот факт в фракционных интересах. Ленин замечает, что у Плеханова «мелкое и мизерное использование коренных теоретических разногласий».⁷⁹

Плеханов был одним из выдающихся марксистских исследователей вопроса о происхождении религии. В течение всей жизни он выступал последовательным противником религии. В своем «Ответе на анкету о будущем религии», проведенную журналом «*Mercure de France*», он писал, что «Прогресс человечества несет с собой смертный приговор и религиозной идее, и религиозному чувству».⁸⁰

⁷⁷ Sozialistische Monatshefte, 1911, S. 636.

⁷⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 30.

⁷⁹ Там же, т. 14, стр. 340.

⁸⁰ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, стр. 105.

В статье «О так называемых религиозных исканиях в России» Плеханов ставит перед собой задачу исследовать самые общие и характерные черты процесса возникновения и дальнейшего развития религии. «Религию, — писал он, — можно определить как более или менее стройную систему представлений, настроений и действий. Представления образуют мифологический элемент религии; настроения относятся к области религиозного чувства, а действия — к области религиозного поклонения или, как говорят иначе, *культы*».⁸¹

Следовательно, Плеханов в религии видит, во-первых, идеологический, во-вторых, психологический и, в-третьих, организационный элементы. Такое вычленение отдельных важных звеньев религии нельзя не признать правильным.

Останавливаясь на мифологическом элементе религии, Плеханов отмечает, что первым его выражением является анимизм. Он исходит при этом из известного принципиального положения Энгельса, считая, что анимистическая форма мышления является основной, всеобщей на известной ступени развития. «Миф, — замечает Плеханов, — есть первое выражение сознания человеком причинной связи между явлениями».⁸² Его первоначальной формой является анимизм. «В чем же состоит главная отличительная черта этого мирозерцания? Она состоит в том, что человек, его держащийся, олицетворяет явления природы. Все эти явления представляются первобытному человеку действиями особых существ, имеющих, подобно ему, сознание, потребности, страсти, желание и волю. Уже на очень ранней ступени развития эти существа, будто бы вызывающие своими действиями известные явления природы, приобретают в представлении первобытного человека характер духов, и таким образом, складывается то, что Тэйлор назвал *анимизмом*».⁸³

Прослеживая возникновение анимистических представлений у первобытных племен, Плеханов правильно показывает, что религия коренится в социально-экономических условиях первобытного строя, когда производительные силы людей были очень слабо развиты, когда человек был бессилён перед стихийными явлениями природы. Первобытные люди начинают олицетворять и обожествлять природные явления.

Подчеркивая связь между степенью экономического развития и анимистическими воззрениями человека, Плеханов замечает: «К производительным силам первобытного человека анимизм имеет то отношение, что его область суживается прямо пропорционально возрастанию власти человека над природой».⁸⁴

⁸¹ Там же, стр. 330.

⁸² Там же, стр. 331.

⁸³ Там же, стр. 331—332.

⁸⁴ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. III, М., 1936, стр. 23.

Плеханов решительно возражает против концепции Богданова о происхождении религии. Последний утверждал в книге «Из психологии общества», что анимистический дуализм является отражением общественного дуализма, дуализма между высшими и низшими, между организаторами и организуемыми. «Дело не в авторитарной организации производства, — писал Плеханов, — которая у дикарей отсутствует, а у варваров низшей ступени находится еще в зачаточном состоянии, — дело в технических условиях, при которых первобытный человек борется за свое существование. Его производительные силы очень мало развиты; его власть над природой ничтожна. А ведь в развитии человеческой мысли практика всегда предшествует теории: чем шире круг воздействия человека на природу, тем шире и правильнее его понятия о ней. И наоборот: чем уже этот круг, тем беднее его теория. А чем беднее его теория, тем более склонен он объяснять с помощью фантазии те явления, которые почему-либо привлекают к себе его внимание».⁸⁵

Плеханов справедливо отмечал, что в дальнейшем, с развитием первобытного общества, «авторитарный элемент» (появление классов во всем его социально-экономическом содержании) начинает оказывать влияние на анимистические представления дикаря, «Что авторитарная организация — и не только производства, но и всего общественного быта — раз возникнув, начинает оказывать огромное влияние на религиозные представления, это совершенно неоспоримо. Это лишь частный случай того общего правила, согласно которому в обществе, разделенном на классы, развитие идеологии совершается под сильнейшим влиянием междуклассовых отношений».⁸⁶

Первоначально, таким образом, у первобытного человека возникают анимистические представления, которые выражают бессилие дикаря перед стихийными силами природы. «Первобытный человек, — писал Плеханов, — верит в существование множества духов, но поклоняется он лишь некоторым из них. Культ возникает из соединения анимистических идей с известными религиозными действиями».⁸⁷ Культ возникает позже. Это соединение анимизма с культом обуславливается социально-экономическими причинами.

В своем анализе развития анимистических представлений Плеханов в соответствии с современным ему этнографическим материалом указывает на возникающую магию как на дополнение к ним.

Первобытная магия становится составной частью всякого культа. Касаясь сущности магии, Плеханов указывал, что «религиозный человек объясняет явления природы волею субъекта (духа, бога), между тем как человек, который обращается к по-

мощи магии, старается открыть объективную причину, определяющую собою эту волю».⁸⁸ Магия в извращенной, фантастической форме стремится указать на наличие связей в явлениях. Она тем самым противоположна науке. «Наука старается открыть причинную связь явлений там, где магия довольствуется простой ассоциацией идей, простым символизмом, который сам может основываться лишь на недостаточно ясном различии между тем, что происходит в голове человека, и тем, что совершается в действительности».⁸⁹

Рассматривая содержание анимистических представлений дикаря, Плеханов указывает, что в первобытной мифологии редко говорится о сотворении мира и человека. По его мнению, «миф о сотворении человека возникает не сразу. Он предполагает некоторые, с нашей нынешней точки зрения, невысокие, но на самом деле чрезвычайно важные успехи техники. И, чем больше совершенствуется техника, чем больше растут производительные силы человека, чем более увеличивается его власть над природой, тем более упрочивается миф о создании мира богом».⁹⁰

Анимистические представления первобытного человека связаны с тотемизмом. Плеханов, говоря о последнем, выясняет только ту его сторону, которая именно говорит об этой связи. Ряд других сторон и черт тотемизма он оставляет в стороне, поскольку его интересуют лишь вопросы, связанные с возникновением религий. «Тотемизм, — писал Плеханов, — характеризуется верой в существование родства между данным кровным союзом людей и данным видом животных. Говоря это, я имею в виду так называемый животный тотемизм. Кроме него, есть растительный тотемизм, характеризующийся верой в существование взаимной связи между людьми и растениями».⁹¹

На основании изучения этнографического материала Плеханов приходит к выводу, что первоначально человек поклоняется животным, служащим тотемами. Это первые боги, которым стало поклоняться человечество. «Греческий философ Ксенофан, — замечает он, — ошибался, говоря, что человек всегда творит своего бога по своему образу и подобию. Нет, сначала он творит его по образу и подобию животного. Человекоподобные боги возникают лишь впоследствии, как результат новых успехов человека в деле развития своих производительных сил. Но и впоследствии в религиозных представлениях людей долго сохраняются глубокие следы зооморфизма».⁹²

Плеханов отмечал весьма важное явление в первобытном обществе — отсутствие первоначальной связи в существовании нрав-

⁸⁵ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, стр. 338.

⁸⁶ Там же, стр. 340.

⁸⁷ Там же, стр. 332.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же, стр. 346.

⁹¹ Там же, стр. 347.

⁹² Там же, стр. 349—350.

ственности и религии. Эта связь более позднего происхождения. На ранней стадии общественного развития «нравственность существует независимо от анимистических представлений. Впоследствии она крепко срастается с ними».⁹³ Религия только освещает правила нравственности, возникающие на почве первобытного общества, тех общественных отношений, которые соответствуют определенному уровню развития производительных сил.

В своей рецензии на брошюру А. Паннекука «Социализм и религия» Плеханов справедливо критиковал автора за то, что тот «думает: что „до сих пор“ нравственность всегда была „тесно связана с этой религией“, т. е. с верой в сверхъестественные существа. Но это неверно. На первых ступенях общественного развития нравственность существует совершенно независимо от веры в сверхъестественные существа».⁹⁴ И только впоследствии нравственность входит составным элементом в религию.

Плеханов анализирует процесс дальнейшего развития религиозных идей и настроений и возникновение культа в обществе в связи с развитием новых социально-экономических условий жизни человека. «Отношения между богом и человеком сначала, — писал Плеханов, — очень напоминают отношения, основанные на взаимном договоре или, вернее, на кровном родстве. По мере развития общественной власти отношения эти изменяются в том смысле, что человек все более и более считает себя подчиненным богу. Эта подчиненность достигает высшей своей точки в деспотических государствах. В новейших цивилизованных обществах рядом со стремлением к ограничению королевской власти возникает склонность к „натуральной религии“ и к деизму, т. е. к такой системе представлений, в которой власть бога со всех сторон ограничивается законами природы. Деизм есть небесный парламентаризм».⁹⁵ В своем конспекте лекции «Научный социализм и религия» он замечает, что «каждой ступени экономичес[еского] развития соответствует различное представление о роли бога».⁹⁶

В своих работах Плеханов подчеркивает неизбежность исчезновения религии в бесклассовом обществе. Он указывал, что это относится как к идеологическому, так и к психологическому элементу религии. Важна его мысль о том, что последний в качестве пережитков исчезнет позже первого элемента: «Религия, в максимальном смысле этого слова, перестанет существовать. — Что касается религиозного чувства, то, очевидно, и оно исчезнет вместе с разложением религиозной идеи. Но в чувствах, конечно, больше консерватизма, чем в идеях. Еще могут быть и будут, по всей вероятности, пережитки, которые породят убудочные, полума-

⁹³ Там же, стр. 352.

⁹⁴ Там же, стр. 102.

⁹⁵ Там же, стр. 363.

⁹⁶ Там же, стр. 60.

териалистические, полуспиритуалистические концепции мира. Но и эти пережитки в свою очередь осуждены на исчезновение, в особенности когда исчезнут некоторые социальные учреждения, якобы санкционированные религией. Прогресс человечества несет с собой смертный приговор и религиозной идее и религиозному чувству».⁹⁷

Плеханов подчеркивает, что основой исчезновения религии являются технический прогресс и изменение общественных отношений, переход к бесклассовому обществу. Потребность в религии, говорил он, исчезнет, «когда человек почувствует себя господином природы и своих собственных общественных отношений».⁹⁸

Свою защиту атеистического мировоззрения Плеханов связывал с пропагандой материализма и критикой идеализма. В процессе критики ревизионизма он указывал на внутреннюю связь его взглядов по вопросам религии с воззрениями современных кантианцев. В конспекте лекций «О мнимом кризисе марксизма» Плеханов писал: «„Непознаваемое“ Канта оставляет широко открытую дверь мистицизму. В моей немецкой книге „Beiträge zur Geschichte des Materialismus“ я показал, что это „непознаваемое“ не что иное, как бог, схоластический бог. Наоборот, материя, постигаемая нами сообразно ее воздействию на нас, совершенно исключает всякое теологическое толкование. Это — революционное понятие, и оно именно потому не нравится буржуазии, которая предпочитает, и весьма предпочитает, агностицизм Канта и наших современных кантианцев».⁹⁹

Вскрывая источники происхождения религии и указывая на неизбежность ее исчезновения вслед за изменением современных классовых отношений, Плеханов вместе с тем подчеркивал необходимость вести пропаганду против религии с позиций научного социализма. «Но в том-то и дело, — писал он, — что найти для данного исторического явления материалистическое объяснение вовсе еще не значит примириться с ним или объявить его неустрашимым посредством сознательной деятельности людей. Не сознание определяет собою бытие, а бытие — сознание. Это так. Это исторический материализм. Но это еще не весь исторический материализм. К этому необходимо прибавить, что, раз возникнув на основе бытия, сознание со своей стороны способствует его дальнейшему развитию. Маркс хорошо знал это, высказывая свой известный взгляд на важное значение „критики религий“».¹⁰⁰

Неправильно рассуждает Фр. Лютгенау в своей книге «Естественная и социальная религия», подчеркивает Плеханов, когда считает, что не следует вести агитацию против религии на том основании, что она сама собой исчезнет вслед за современной экономической действительностью.

⁹⁷ Там же, стр. 105.

⁹⁸ Там же, стр. 61.

⁹⁹ Там же, т. II, М., 1956, стр. 341.

¹⁰⁰ Там же, т. III, стр. 311—312.

Вместе с тем нельзя не заметить, что Плеханов не выступает против положения немецкой социал-демократической партии «религия — частное дело». Но из его рецензии на книгу Фр. Лютгенау видно, что он считает необходимым вести пропаганду против религиозных воззрений верующих социал-демократов. Плеханов писал «Остается *говорить правду* — говорить ее, не раздражая без надобности своего слушателя, подходя к нему тактично и даже педагогично, но все-таки говорить».¹⁰¹

Позиция Плеханова в отношении тезиса «религия — частное дело», таким образом, не отличалась определенностью. Он обходил молчанием общую линию ревизионистов, истолковывавших это положение как отказ от борьбы с религией, как полное невмешательство партии в дела религии, а также уклончивую позицию Каутского.¹⁰²

Ясную и твердую линию в этом вопросе занял В. И. Ленин. В статьях «Социализм и религия» (1905), «Об отношении рабочей партии к религии» (1909) и в других работах он самым решительным образом протестовал против оппортунистического искажения марксизма в вопросе отношения к религии в немецкой социал-демократии. Ленин разработал теоретические основы тактики пролетарской партии по отношению к религии.

Все же Плеханова можно считать виднейшим марксистским критиком религии, сделавшим немало в разработке вопросов, связанных с изучением ее происхождения и рассмотрением ее социально-политической сущности. Сам он вел активную антирелигиозную пропаганду. Его работы имеют актуальное значение и для нашего времени; они помогают бороться с религиозными пережитками. Говоря об опасности для рабочего класса и социал-демократии религиозной пропаганды со стороны буржуазии, Плеханов в реферате «Чтения о религии» (1909) подчеркнул, что социал-демократия «не делается *религиозной* до тех пор, пока останется *революционной*».¹⁰³

¹⁰¹ Там же, стр. 310.

¹⁰² По-видимому, внутренне Плеханов был противником оппортунистического истолкования указанного тезиса. Об этом говорят, например, его пометки на некоторых страницах журнала «Le mouvement socialiste» за 1902 г. Он подчеркивает следующие слова Фольмара в связи с его толкованием тезиса «религия — частное дело»: «Религиозные взгляды члена социал-демократической партии не имеют никакого отношения к политическим и экономическим вопросам». На полях страницы Плеханов ставит знак вопроса.

¹⁰³ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VII, М., 1939, стр. 146.